

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ СО ЗРИТЕЛЕМ

ХУДОЖНИК
И ВРЕМЯ

Вчера Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в развитии советского искусства и в связи с семидесятилетием со дня рождения народный артист СССР И. В. Ильинский награжден орденом Ленина. Сотрудник редакции Т. Константинова обратилась к Игорю Владимировичу с просьбой поделиться с читателями мыслями об искусстве, рассказать о творческих планах.

— Первое знакомство с театром и первые шаги в храме Мельпомены у меня связаны с... оперой, — рассказывает Игорь Владимирович. — Это случилось, когда мне было четыре года, и такое потрясение не смогло, конечно, пройти бесследно для столь впечатлительного человека, каким был я. Одно название чего стоило: «Фр-р-ра-Дьяво-о-ло!» Это была первая опера, которую я услышал в Большом театре. А потом лирической ролью шута в опере «Виндзорские проказницы» под руководством моего первого театрального учителя Ф. Ф. Комиссаржевского начался мой путь в искусство.

— Что вы считали в эти первые годы самым главным в профессии актера?

— Быть свободным от докучливой власти ампулы. Мне во что бы то ни стало хотелось быть неузнаваемым. Тогда я слишком много придавал значения внешней форме образа, и достижение каждой новой «формы» доставляло мне, молодому актеру, истинное наслаждение. Однако увлечение это ограничивало выражение внутреннего, психологического движения образа, ибо это движение оказывалось как бы зажатым в кандалы придуманной и нафантазированной характеристики. Но, видимо, эта болезнь — полезная для актера, ибо она навсегда прививает вкус к форме, без чего искусство немислимо.

Когда меня перестала удовлетворять выдумка-фантазия, наступил новый этап — поиски путей внутреннего перевоплощения. Это были муки творчества, направленного на «очеловечивание» образов. Помню трудную борьбу с «неподдающимся» Тихоном в «Грозе», в таком, например, эпизоде, как беседа с Кулигиным в пятом акте. Тихон приходит на берег Волги в состоянии глубокого потрясения, захваченный разыгравшимися дома событиями. Как погрузиться в это состояние, я не знал. Эпизод не давался, его повторяли снова и снова. На одной из близких к премьеры репетиций атмосфера стала невыносимо тяжелой, сил больше не было, а достигнутое не удовлетворяло. Не мудрено, что я сам был убит горем не меньше Тихона. И вот тогда эта связь одних и тех же ощущений актера и персонажа помогла мне найти нужный внутренний настрой.

Пожалуй, с этого эпизода и начался важный для моего формирования перелом. Постигая чувства и мысли героя, я прежде всего стремился проникнуть в особенности его темперамента, душевного строя и, лишь пройдя этот этап работы над ролью, начал искать внешнюю характеристику. Не знаю, как оценивают это другие, но для меня венцом многолетних поисков в направлении гармоничного сочетания «формы» и содержания стал Аким во «Власти

тмы» Л. Толстого, поставленной Б. Равенских на сцене Малого театра.

— В будущем сезоне москвичи увидят вас в «Свадьбе Кречинского» А. Сухово-Кобылина. Спустя почти 40 лет вы снова появитесь в роли Расплюева. Изменили ли ваш взгляд на его сущность?

— Первая постановка пьесы была осуществлена В. Э. Мейерхольдом в 1933 году. В спектакле отчасти отразился наметившийся в ту пору поворот режиссера к реалистическим приемам. Но в общем спектакль был «мейерхольдовский». Я выходил на сцену спиной: моя фигура в памятом сюжете с отпечатанной на нем мелом громадной пятерней, с пиковой десяткой в руке сразу же вызвала смех, настраивала зал на веселую волну. Тогда мне было этого вполне достаточно.

Теперь мне хочется заронить в душу зрителя чуть-чуть сочувствия Расплюеву. Хотя он и шутер, и циник, но все же в нем есть человеческая тоска и даже теплота. В его нравственном опустошении виновны общество, бесчеловечные его законы. Так что, как видите, совсем другая задача.

— Игорь Владимирович, ваше имя для большинства стало знаком благодаря экрану. Расскажите, пожалуйста, о своих взаимоотношениях с искусством кино.

— Я начал сниматься буквально на заре советского киноискусства в немых фильмах Я. Протазанова. Может быть, неблагоприятно так говорить, но эти фильмы не совсем соответствовали моим требованиям к себе, моим устремлениям даже в ту пору. Тогда интуитивно, а впоследствии сознательно я тянулся к ролям, где через смешное проявляется грустное. Одной из моих первых таких работ в театре был Брюно в пьесе «Великодушный рогоносец» Ф. Кромеллинка. Похваस्ताюсь: С. Юткевич тогда, помнится, писал: «Кто сказал, что Ильинский комик? — Какое заблуждение. — Но разве не смешон этот дурак Брюно? — Ну, конечно, смешон, но смешон так, что смех застревает у вас в горле, как рыба кости!»

— И все-таки вы много играли в комедиях...

— В основе большинства образов, которые мне довелось воплощать в комедийных лентах, лежало разоблачение внутренней неполноценности отживающего явления действительности. Мне кажется, что, осмеивая бываловщину и огурцовщину («Волга-Волга» и «Карнавальная ночь»), мы активно утверждаем подлинные нравственные ценности.

— Имеет ли, с вашей точки зрения, право на существование комедия, условно говоря, развлекательная?

— И может существовать, и имеет право на любовь зрителей. По моему, это блестяще доказывает на экране Л. Гайдай — мастер эксцентрики и трюков. Вспомним хо-

тя бы «Кавказскую пленницу» и «Бриллиантовую руку». А вообще комедийных дарований у нас немало. Вспомним замечательного мастера смешного А. Райкина. Мне очень интересен Э. Рязанов своими поисками новых сюжетов, тем, своей тягой к проблемной комедии. Люблю работы режиссера Г. Дanelия, особенно фильм «Я шагаю по Москве». И вообще не надо торопиться делить людей на комедиографов и некомедеографов. К примеру, Ю. Райзман не ставит кинокомедий, но линия, которую проводит Н. Плотников в фильме «Твой современник», позволяет мне отнести режиссера картины к числу глубоких знатоков «нашего» жанра.

— Кто из ваших «коллег по юмору» вам особенно интересен?

— Как это ни странно может показаться — И. Смоктуновский. Мне нравится мягкий и грустный юмор этого артиста. Всегда привлекает Е. Леонов — я как-то безоговорочно ему верю. Хотелось бы только ему посоветовать, чтобы он больше внимания уделял перевоплощению. Конечно, комедийный актер имеет право на собственную маску, но внутри нее надо искать и находить новые штрихи.

— Думаете ли вы продолжить свою работу в кино?

— Предлагаемый материал пока не удовлетворяет меня. Все это главным образом перепев уже сыгранного мною. Мне иногда кажется, что люди, сочиняющие сценарии для будущих комедий, идут не от жизни, а от уже читанного или виденного ими на сцене и экране. Эта вторичность вызывает досаду и скуку. Хочется свежих поворотов, метких наблюдений. А мне, кроме того, необходимо сейчас то самое сочетание веселого и грустного, к которому я тяготею еще в начале пути.

— Игорь Владимирович, в последнее время вы много времени отдаете телевидению. Чем оно привлекло вас?

— Сейчас я снимаюсь уже в пятом телевизионном фильме. Большую радость принесла мне работа над фильмом «Старосветские помещики». Кресло, белая стена и больше ничего... Захватывающая дух ответственность, обязывающая тебя к предельному самоконтролю. Новый фильм, над которым я сейчас работаю, называется «Ильинский в рассказах Чехова»; я играю в нем более двадцати ролей. По самой природе своей телевидение не терпит никакой фальши, тем более актерской. Еще в большей степени, чем кино, оно обязывает к искренности, более тонким нюансам, так как с экрана телевизора актер приходится вести доверительный разговор со зрителем — с глазу на глаз.

Выступления перед телезрителями имеют и свои минусы. В кино или театре ничто не отвлекает внимания, люди как бы остаются наедине с актером. В домашней же обстановке неминуемые телефонные звонки, чаепитие, разговоры не дают человеку сосредоточиться. Бороться с этим трудно, но, по-моему, нужно. Как? Увы, ответ банален: хорошим искусством. Делать хорошее искусство!

ПРАВДА
МОСКВА

24 ИЮН 1974